

УДК 327

DOI 10.51691/2541-8327_2021_5_9

**«МЯГКАЯ» СИЛА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА КИТАЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Ли Чунян

*кандидат филологических наук,
преподаватель Института русского языка
Пекинского университета иностранных языков,
Пекин, Китай*

Аннотация

В статье рассматривается проблематика использования КНР «мягкой» силы при реализации своего внешнеполитического курса, в том числе на постсоветском пространстве. Кратко рассматривается историческая ретроспектива использования Поднебесной инструментария «мягкой» силы во внешней политике. Анализируются основные методы ее использования, включая развитие многосторонней дипломатии, расширения культурно-гуманитарных и образовательных связей, предоставление экономической помощи и участие в осуществлении совместных проектов. Отмечаются основные итоги китайского использования политики «мягкой» силы в отношении России и государств Центральной Азии, причем отмечаются как положительные, так и отрицательные черты.

Ключевые слова: «мягкая» сила, Китай, внешняя политика, постсоветское пространство, Россия, Центральная Азия.

***"SOFT" POWER AS AN INTEGRAL PART OF CHINA'S FOREIGN POLICY
IN THE POST-SOVIET SPACE***

LI Chongyang

PhD., School of Russian studies, Beijing Foreign Studies University.

Beijing, China

Abstract

The article is devoted to the problem of the China's use of "soft" power in the implementation of its foreign policy in the post-Soviet space. The article provides a brief historical retrospective of the use of the "soft" power toolkit in Chinese foreign policy. Author analyzed the main methods of implementing the Chinese "soft" power, including the development of multilateral diplomacy, the expansion of cultural, humanitarian and educational ties, the provision of economic assistance and participation in the implementation of joint projects. What is more, the article examines both positive and negative results of the Chinese use of "soft" power in relation to Russia and the Central Asian states.

Keywords: "soft" power, China, foreign policy, post-Soviet space, Russia, Central Asia.

Современный мир характеризуется продолжающимися процессами глобализации и регионализации, которые накладывают непосредственный отпечаток не только на взаимодействие государств в сфере экономики, но и на весь комплекс международных политических отношений. Продолжается международно-политическая конкуренция государств за влияние в отдельных регионах мира и в глобальном масштабе. Вместе с тем виды и направления указанной конкуренции за последние полстолетия претерпели существенные

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

изменения. Так, в настоящее время ведущие государства мира постепенно отходят от практики прямых военных конфликтов и силового решения спорных ситуации – на смену традиционной «жесткой» силе приходят иные методы продвижения государственных интересов на международной арене посредством экономических и культурно-гуманитарных средств, в совокупности именуемых «мягкой» силой. Указанный термин был впервые предложен одним из основоположников неолиберального подхода в теории международных отношений Джозефом Наем в ряде его исследований, в том числе «Неизбежное лидерство: изменяющаяся природа американской власти», а также «Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике».[1] Под «мягкой» силой ученый понимал способность государства достигать своих целей «через привлечение, а не через подавление».[7]

Несмотря на то что первопроходцами в использовании данного метода реализации своих внешнеполитических приоритетов считаются западные государства, в настоящее время инструментарий «мягкой» силы активно используется и азиатскими странами, в частности Китаем. Стоит отметить, что продвижение китайским правительством национальной культуры и ценностей в мире началось уже сравнительно давно: в 1984 году в структуре министерства образования КНР была создана специализированная структура (Ханьбань), ответственная за распространение китайского языка за рубежом.[2,94] На уровень стратегического приоритета Поднебесной во внешнеполитической сфере «мягкая» сила вышла в середине 2000-х годов. В 2007 году на очередном съезде Китайской коммунистической партии (КПК) председатель КНР Ху Цзиньтао заявил, что культура постепенно становится все более важным фактором, определяющим значение государства на международной арене и призвал к повышению культурной составляющей «мягкой» силы.[8] После этого Пекин активизировал деятельность по культурной экспансии, в особенности в сопредельные регионы, развивая гуманитарные и образовательные связи. В

частности, специально для этих целей была создана сеть культурно-образовательных центров – институтов Конфуция для обучения граждан иностранных государств китайскому языку, приобщению к китайской культуре и продвижения позитивного образа КНР в мире.

Важным географическим направлением приложения «мягкой» силы Поднебесной традиционно является постсоветское пространство, в особенности Россия и страны Центральной Азии. Пекин активно проводящий политику экономической экспансии в западном направлении заинтересован в добрососедских отношениях с Россией, которые во многом зависят и от адекватного восприятия российским населением Китая, прежде всего, как партнера и союзника, а не геополитического и экономического конкурента (с учетом наличия конфликтного прошлого в отношениях между КНР и СССР). Что касается стран Центральной Азии, то необходимость продвижения там положительного образа КНР напрямую связана с перспективами реализации масштабных китайских проектов в транспортно-транзитной сфере, прежде всего экономической инициативы «Один пояс, один путь».[6] Кроме того, Пекину важно продвигать в регионе свою точку зрения на проблемы, связанные с обеспечением безопасности и противодействием терроризму и религиозному экстремизму, в контексте нестабильной ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, а также близости Афганистана.

Использование Китаем «мягкой» силы на постсоветском пространстве в целом можно сгруппировать по ряду основных направлений. Прежде всего, Пекин активизировал усилия по наращиванию межгосударственных связей со странами региона как на двусторонней основе, так и в рамках различных многосторонних форматов взаимодействия, в частности ШОС. Поднебесная активно участвует в проведение различных региональных конференций и форумов (к примеру, в формате «Китай + Центральная Азия») на которых

продвигает свое видение основных вопросов региональной и глобальной повестки дня.[3]

Одним из ключевых направлений в продвижении китайской «мягкой» силы на пространстве СНГ является культурно-гуманитарное сотрудничество, в первую очередь в образовательной сфере. Такое сотрудничество заключается в открытии китайских образовательных центров в России и других странах постсоветского пространства, поощрение практики студенческих обменов и налаживание сотрудничества между высшими учебными заведениями и научными сообществами. Так, например, начиная еще с конца 90-х годов прошлого столетия, КНР финансирует поездки российских ученых (в области исторических, социологических и культурологических наук) в Китай, предлагая им широкие возможности для ознакомления с национальной культурой в интересующих их аспектах, а также для участия в совместных тематических мероприятиях.[2,97] С середины 2000-х годов в России начинается интенсивное создание и развитие сети институтов Конфуция, а российские ВУЗы в настоящее время заключили множество программ по взаимодействию с китайскими коллегами по различным направлениям научных изысканий. При этом важно отметить, что указанная политика КНР в отношении России имела целью не содействие в привлечении Москвы к участию в выгодных для поднебесной инициативах или поддержке по важным для Китая вопросам на международной арене, а, в первую очередь, для создания в российском обществе положительного образа КНР. Подобная политика уже приносит определенные результаты: по данным социологических исследований, около половины опрошенных поставили Китай на первое место в списке наиболее дружественных России государств.[4]

Аналогичные меры, в частности в контексте создания институтов Конфуция, и налаживания практики студенческих обменов и привлечения иностранных студентов на учебу в Китай, Пекин проводит в и странах

Центрально-Азиатского региона. По данным министерства образования Поднебесной, к 2017 году в стране ежегодно проходили обучение порядка 14 тыс. студентов из Казахстана, около 5 тыс. – из Узбекистана и более 10 тыс. – из Киргизии.[1]

Взаимодействие в культурно-гуманитарной сфере между Китаем и центрально-азиатскими республиками идет рука об руку с наращиванием экономического сотрудничества. Пекин стремится создать имидж основного инвестора и донора государств региона путем предоставления им не только кредитного финансирования, но и безвозмездной финансовой и гуманитарной помощи, что является особенно актуальным на фоне продолжающейся пандемии коронавирусной инфекции, от которой изрядно пострадали экономики стран Центральной Азии. Значительным конкурентным преимуществом китайской экономической помощи по сравнению с другими глобальными игроками (например, ЕС и США) является тот факт, что КНР не увязывает предоставление помощи с другими «чувствительными» вопросами такими, как обеспечение прав человека, соблюдение экологических стандартов и т.д. Поднебесная активно участвует в реализации важных для центрально-азиатских республик инфраструктурных проектах, в том числе по строительству железно-дорожной линии «Китай – Киргизия – Узбекистан», а также газопровода «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан- Китай». С учетом разности интересов и точек зрения самих центрально-азиатских государств на осуществление совместных проектов в экономической сфере Пекину подчас приходится брать на себя роль политического посредника для согласования позиций всех сторон, проявляя при этом изрядную дипломатическую гибкость и стратегическое терпение.[2,101]

При этом у активной культурной и экономической экспансии Китая в регион имеется и обратная сторона: многие представители общественности и элит центрально-азиатских республик все больше начинают опасаться попадания своих стран в серьезную зависимость от Пекина, в первую очередь в

финансовой сфере. На этом фоне в ряде стран Центральной Азии, в частности в Казахстане и Киргизии нарастают синофобские настроения, что даже привело к резкому снижению инвестиционной активности китайских предпринимателей на киргизском направлении за последние два года.[5]

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что в настоящее время концепция «мягкой» силы является одним из стратегических приоритетов внешнеполитического курса КНР. В Пекине уделяют особое внимание формированию положительного имиджа страны за рубежом, а также используются инструментарии «мягкой» силы для содействия своей экономической экспансии в различных регионах мира. Значительное внимание Китай уделяет продвижению «мягкой» силы на постсоветском пространстве, прежде всего в России и странах Центральной Азии, которые важны для него как с экономической точки зрения, так и в контексте обеспечения безопасности. В целом политика «мягкой» силы Китая дает определенный положительный результат на постсоветском пространстве, хотя чересчур активная деятельность Пекина может иметь и обратный эффект, что наиболее ярко проявляется в ряде центрально-азиатских государств.

Библиографический список:

1. Айдосов А. Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии // Информационно-аналитический центр МГУ. 2019. 01.04. [Электронный ресурс]. - Режим доступа - URL: <https://ia-centr.ru/experts/aybolot-aydosov/kitayskaya-myagkaya-sila-v-tsentralnoy-azii/> (Дата последнего обращения: 27.05.2021).
2. Андреев И. А. «Мягкая сила» Китая и её проекция на пространство постсоветской Евразии // Вестник Института социологии. 2019. №2. С. – 94.
3. Больбот И. Новая форма регионального диалога Центральной Азии и Китая // Ритм Евразии. 2020. 20.07. [Электронный ресурс]. – Режим Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

- доступа – URL: <https://www.ritmearasia.org/news--2020-07-22--novaja-forma-regionalnogo-dialoga-centralnoj-azii-i-kitaja-50066> (Дата последнего обращения 27.05.2021).
4. ВЦИОМ: почти половина россиян считает отношения между Россией и Китаем дружественными // ТАСС. 2019.28.10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <https://tass.ru/obschestvo/7052100> (Дата последнего обращения 27.05.2021).
 5. Маргулис С. Сложный инвестор // Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза «Союзный нарратив 2050». 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL:
<https://www.sonar2050.org/storage/files/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D1%8B/%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%81/kitayskiye%20investitsii.pdf> (Дата последнего обращения 27.05.2021).
 6. Маргулис С.Б. Китайский проект «экономический пояс Шелкового пути и интересы Беларуси» // В сборнике: Фарміраванне беларускай дзяржаўнасці ва ўмовах геапалітычных зрухаў ХХ ст. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Минск: Изд-во Минского государственного университета. 2018. С. 207-213.
 7. Най Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск: Тренды. 221с.
 8. Троян И. «Мягкая сила» Китая: культурная экспансия «Красного дракона» // ИА REX. 2016.14.04. [Электронный ресурс]. - Режим доступа – URL: <https://iarex.ru/articles/52522.html> (Дата последнего обращения 27.05.2021).

Оригинальность 96%